

DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-74-85

УДК 94 (47)

КАЗАКИАДА В ИДЕОЛОГИИ КАЗАКИЙЦЕВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: МНЕНИЕ ИСТОРИКА Н.И. УЛЬЯНОВА

Базанов Петр Николаевич

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия
bazanovpn@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается творческое наследие крупнейшего мыслителя русской эмиграции, наиболее известного представителя второй «волны» – историка Николая Ивановича Ульянова, посвященное казачьему самостийничеству («казакийству»). Хорошо известны его работы по разрешению национального вопроса в России. В то же время у Н.И. Ульянова есть работа «Казакиада», анализирующая казакийскую самостийность. В архиве «Лондонской школы экономики и политических наук» удалось найти несокращенный черновик данной статьи. Тема изучения казакийской идеологии прослеживается также в переписке Н.И. Ульянова с историком С.П. Мельгуновым, главным редактором журнала «Российский демократ». Все архивные источники впервые вводятся в научный оборот. Представлен подробный обзор взглядов историка на фоне истории эволюции казакийской идеологии. Особенное внимание уделяется американскому закону о порабощенных нациях, по которому признается независимость мифической страны «Казакия». Н.И. Ульянов выделял проблемы в самостийнической идеологии: обоснование новой псевдонации, границы будущей «Кзакии», взаимоотношения с украинскими сепаратистами. Особенное внимание уделяется анализу расового происхождения казачества. Подробно рассматривается тюркская, кавказская, германская и другие ненаучные теории. В тексте статьи Н.И. Ульянова «Кзакиада» сочетаются тенденции, характерные для его творчества – высокий научный уровень и полемическая заостренность, обращенная к врагам России. Анализ концепций историка и мыслителя русской эмиграции убедительно свидетельствует об актуальности поднятых им научных и общественно-политических проблем.

Ключевые слова: казачество, фальсификация истории, казакийцы, сепаратизм, русская эмиграция, Н.И. Ульянов.

Цитирование: Базанов П.Н. Кзакиада в идеологии казакийцев русского зарубежья: мнение историка Н.И. Ульянова // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 2. С. 74–85. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-74-85 / Bazanov P.N. The Cossackiad in the Ideology of the Cossackians of the Russian Diaspora: the Opinion of Historian N.I. Ulyanov, in Novoe Proshloe / The New Past. 2024. No. 2. Pp. 74–85. DOI 10.18522/2500-3224-2024-2-74-85.

© Базанов П.Н., 2024

THE COSSACKIAD IN THE IDEOLOGY OF THE COSSACKIANS OF THE RUSSIAN DIASPORA: THE OPINION OF HISTORIAN N.I. ULYANOV

Bazanov Peter N.

Leningrad State University named A.S. Pushkin,
St Petersburg, Russia
bazanovpn@list.ru

Abstract. For the first time, the creative heritage of the greatest thinker of the Russian emigration, the most famous representative of the second “wave”, historian Nikolai Ivanovich Ulyanov, dedicated to Cossack independence (“Cossackism”), is being explored. His work on resolving the national question in Russia is well known. At the same time, N.I. Ulyanov has a work “Cossackiad”, which analyzes Cossackian independence. An unabridged draft of this article was found in the Yale University archives. The topic of studying Cossack ideology can also be seen in the correspondence of N.I. Ulyanov with historian S.P. Melgunov, editor-in-chief of the Russian Democrat magazine. All archival sources are being introduced into scientific circulation for the first time. A detailed overview of the historian’s views is given against the background of the history of the evolution of Cossackian ideology. Particular attention is paid to the American law on captive nations, which recognizes the independence of the mythical country of “Cossackia”. N.I. Ulyanov highlighted problems in independent ideology: the justification of a new pseudo-nation, the borders of the future “Cossackia”, relations with Ukrainian separatists. Particular attention is paid to the analysis of the racial origin of the Cossacks. Turkic, Caucasian, Germanic and other unscientific theories are discussed in detail. In the text of the article “Cossackiad” N.I. Ulyanov combines the tendencies characteristic of his work – a high scientific level and polemical sharpness addressed to the enemies of Russia. An analysis of the concepts of the historian and thinker of the Russian emigration convincingly demonstrates the relevance of the scientific and socio-political problems he raised.

Keywords: Cossacks, falsification of history, Cossackians, separatism, Russian emigration, N.I. Ulyanov.

Тоска по Родине и подлинный патриотизм русской эмиграции первой и второй «волн» давно стали нарицательными. Любовь к России у наших соотечественников была бескорыстной и искренней. Особое внимание наши эмигранты уделяли борьбе за единство русского народа, опровергая различные западные и советские теории и концепции. В этом они видели важную часть своей исторической миссии.

Жизнь и творчество крупнейшего представителя второй русской эмиграции, историка Николая Ивановича Ульянова (1904–1985) хорошо освещены в отечественной историографии, насчитывающей более 300 научных работ [Базанов, 2018]. Выделим монографию П.Н. Базанова [Базанов, 2021] и редкую книгу В.Э. Багдасаряна [Багдасарян, 1997].

Н.И. Ульянов более всего известен как специалист по истории украинского сепаратизма, тогда как тематика других национальных и псевдонациональных сепаратизмов не являлась сферой его пристального интереса. Единственным исключением является программная статья «Казакиада», опубликованная в период между концом Второй мировой войны и принятием в 1959 г. американского «Закона о рабощенных нациях» (Public Law 86–90). Статья была издана в парижском журнале общественно-политического деятеля Сергея Петровича Мельгунова (1879–1956) «Российский демократ» под самым известным псевдонимом историка – Н. Шварц-Омонский [Шварц-Омонский, 1950]. Кроме того, в архиве «Лондонской школы экономики и политических наук» удалось найти черновик данной статьи с материалами, сокращенными редакцией журнала при публикации.

Для раскола единого русского народа в XIX в. стало использоваться общественно-политическое явление под названием «областничество». По мнению идеологов этого течения, население различных исторических регионов России не является этнографическими группами русского народа, а якобы отдельные нации. В XX в. Украина и Белоруссия стали независимыми государствами, про «нации» уральцев и волгарей уже почти никто не помнит, а вот сторонники сибирского и казачьего сепаратизма все еще существуют. Теория о том, что казаки не являются русскими, стала модной в конце XIX–начале XX вв. В русской историографии сторонников такой тенденциозной точки зрения называют «казакийцами». В областничестве минимальные этнографические отличия в быте, пище, диалектах, антропологическом облике значительно преувеличивались. Некорректно сравнивались наиболее удаленные части многообразного русского народа, которые веками жили в различных природных зонах самой большой страны в мире – России. «Казакийцы» традиционно умалчивают о том, что терские, донские, кубанские, гребенские, астраханские, уральские, сибирские и другие казаки не только говорят на разных диалектах русского языка, но отличаются друг от друга антропологически больше, чем русские в целом. Подобная историко-этнографическая фальсификация характерна для любой сепаратистской мысли. Сибиряков сравнивали не со свободным населением Русского Севера, а с крепостными черноземных губерний, малороссиян – не с родственным населением южнорусских регионов, а с жителями нечерноземной полосы. В самостийнической публицистике постоянно идут спекуляции о значении смешанных браков русских с другими народами. Существование потомков от таких

браков служит поводом для спекуляций на тему отличия их от русских. Причем в зависимости от контекста данный аргумент используется как против единства отечественных этнографических групп с русским народом, так и для фальсификационного обоснования неславянской сущности последнего.

Казакский миф, пересказывая общеизвестные факты об уникальности русского казачества, не сообщает, что у русского народа существуют и другие этнографические и сословные группы. Поморы, живущие на Русском Севере, не менее отличаются от великороссов центральных губерний, чем казаки или старожилы-сибиряки (чалдоны). Не упоминается и о наличии переходных групп; так, на поморов похожи свободные крестьяне архангельского края, а на казаков – однодворцы Юга России или т.н. городовые казаки.

В Русском зарубежье после поражения белых в Гражданской войне стали появляться малочисленные «казакские» организации. «Казакское» движение прошло в своей истории стадии финансовой поддержки польской, германской и американской разведками. В 1920-е гг. польским политическим кругам было выгодно поддерживать одновременно противников украинских организаций и русских национальных сил. Наиболее известным является т.н. вольноказакское движение, названное в честь одноименного журнала. Его идеологами были И.Ф. Быкадоров, В.Г. Глазков, И.А. Билый, И.И. Колесов, Т.М. Стариков и др. Казаки являлись любимцами германских нацистов, особенно ведомства А. Розенберга. Их коллаборационизм и русофобия были оценены немцами как раз после Сталинградской битвы, когда донские казаки были провозглашены потомками восточных готов, якобы перешедших на славянские языки. После Второй мировой войны центр казачества оказался в США. Лидером стал известный общественный деятель Н.Г. Назаренко, коллаборационист, основатель малочисленных организаций – «Всемирной федерации казачьего национально-освободительного движения» и «Американской казачьей республиканской национальной федерации», которые входили в антикоммунистический и русофобский «Антибольшевистский блок наций».

Русская эмиграция, в т.ч. казачья, воспринимала «казакцев» как провокаторов и платных агентов иностранных спецслужб. В 1959 г. Сенат и Конгресс США приняли по инициативе украинского шовиниста Л. Добрянского «Закон о порабощенных (пленных) нациях» (Public Law 86–90) [Назаров, 2020, с. 487]. В законе утверждалось, что империалистическая политика коммунистической России привела к порабощению и лишению национальной независимости государств Восточной Европы, союзных республик СССР и загадочных стран Идель-Урал и Казакция [Закон о плененных..., 1962; Закон о порабощенных..., 1991]. Против основной идеи закона, обвинявшего русских, а не коммунистов, во внешней политике СССР, боролись знаменитый изобретатель И.И. Сикорский, дочь русского классика А.Л. Толстая, «Конгресс русских американцев». Закон подразумевает регулярное финансирование с целью «освобождения» этих «стран». «Даже осенью 1991 г., уже после августовских событий, предложение одного из конгрессменов отменить закон P.L. 86–90 не нашло поддержки» [Назаров, 2020, с. 490]. После распада СССР поддержка независимого государства

(буфера) «Казакія» («Козакія» – на украинский лад) стала оказываться шовинистической частью украинского общества [Лежит у моря..., 1992, с. 1].

Конец 1940-х – начало 1950-х гг. были очередным периодом натиска Запада на Советскую Россию (т.н. Холодная война): «Исконная тенденция западного мира к ослаблению России, которую он в течение двух с половиной столетий рассматривает как угрозу собственному существованию. Было бы величайшей наивностью думать, что он ныне откажется от ее расчленения, если к тому представится реальная возможность. Страны западной демократии будут действовать более осторожно, тонко и гибко, чем это делали Гитлер и Розенберг, но горе тому русскому, который хоть на минуту позволит себя убедить в отсутствии у них идеи раздела России (выделено мной. – П. Б.)» [Шварц-Омонский, 1952, с. 63]. Причем наибольшую опасность для России представляют не только иностранцы и националисты, но и российские соглашатели. Почти сразу после Второй мировой войны появился новый вид предательства: «Что же касается позиции наших русских организаций, то их тоже пора квалифицировать соответствующим образом. Нарождается новая коллаборация – *квислигианство атлантического блока*» (выделено С.П. Мельгуновым) [LSE, Письма Н.И. Ульянова – С.П. Мельгунову, 14.05.1951, л. 1].

О взглядах Н.И. Ульянова о казачестве, как правило, судят по первым главам его знаменитой монографии «Происхождение украинского сепаратизма». По мнению историка, предпосылкой украинского сепаратизма на Юго-Западе России было казачество. Казачество XVI–XVII вв. очень отличалось от одноименного военно-служилого сословия XIX–начала XX в. или от представителей современных казачьих обществ. Во-первых, тогда в Малороссии существовало реестровое казачье войско (максимальной численностью 40 тыс. чел.), которое состояло на службе у польского короля и использовалось для защиты границ от турок и крымских татар. Эта категория боролась за признание их шляхетского статуса (т.н. лыцари). Во-вторых, у подлинных хозяев Речи Посполитой – магнатов – были свои служебные казачьи отряды (от них в нашем современном языке выражение «казачок», аналог «конных, оружных холопов» в Русском государстве со столицей в Москве). В-третьих, казаками называют представителей Запорожской и других сечей на Днепре. Это были никем не признанные воинские формирования, самочинно боровшиеся с татарами, турками и поляками, часто с целью грабежа. Этнический состав казаков был самым пестрым – среди них были выходцы из всех славянских народов, из тюркских (от них самоназвание «казак», слова «атаман», «курень», «кошевой» и даже шаровары), а также кавказцы (христиане, бежавшие от своих мусульманских единоплемеников; от них московское название казаков – «черкасы», от них же и бурки – как удобная одежда), молдаване, румыны, венгры, поляки и т.д. Общими были, по Н.И. Ульянову, только православие и русский язык.

Непонимание ульяновской позиции приводит к многочисленным инсинуациям. Не надо забывать, что Н.И. Ульянов – ученик академика С.Ф. Платонова, признанного специалиста по Смуте. В Смутное же время казачество составляло самый «бунташный», «гулящий» и антигосударственный элемент Восточной Европы. Типичной для сторонников казачества как отдельного от русских этноса является тактическая

уловка смешения эпох и замалчивание общеизвестного факта, что в начале XVII в. казаками именовались все беглецы от грандиозного «Великого голода» 1601–1603 гг. Так, для данной историографической традиции характерна точка зрения публициста Н.Н. Лысенко (одного из современных сторонников теории казачества как отдельной нации): «Именно поэтому наш дальнейший анализ фактора этничности казачества следует начать, как мне представляется, с упоминания о научном труде известного историка, научная репутация которого в смысле апологетики казацкой самостоятельности абсолютно беспорочна, ибо он глубоко, последовательно и по-своему ярко не любил казачества. Николай Иванович Ульянов, известный историк Русского зарубежья, создал подлинно антиказацкий шедевр – основательный историографическийopus “Происхождение украинского сепаратизма”. В этом предельно идеологизированном труде есть немало размышлений о “хищной природе казачества”, обильных цитат из польских источников, сравнивающих казаков с “дикими зверями”. С особым, без преувеличения сказать, сладострастием Н.И. Ульянов цитирует путевые впечатления некоего московского попа Лукьянова, невесть каким ветром занесенного на земли Присуда Казацкого» [Лысенко, 2012, с. 115].

Действительно, Н.И. Ульянов не любил казачьих сепаратистов и в переписке с единомышленниками не скрывал своего к ним нелицеприятного отношения. Так, в письмах к историку С.П. Мельгунову он писал о проектах переговоров с казакскими эмигрантскими организациями: «Ни о каком союзе народов эти господа не думают, их сепаратизм весьма грязного свойства, более грязного, чем украинского» [LSE, Письма Н.И. Ульянова – С.П. Мельгунову, 27.12.1949, л. 2]. При обсуждении публикации статьи Н.И. Ульянов предупреждал: «Будет жалко, если мой ругательный тон заменят каким-нибудь елейным или академическим бесстрастным. Этих негодяев надо хорошенько обляять» [LSE, Письма Н.И. Ульянова – С.П. Мельгунову, 14.02.1950, л. 1].

В конце 1940-х гг. в эмигрантской печати проходила бурная дискуссия о существовании Казакии и казакского народа. В нее решил вмешаться Н.И. Ульянов; его пламенный памфлет «Казакиада» предназначался для журнала «Возрождение», но был перенесен в «Российский демократ» (орган мельгуновского союза) – без гонорара [LSE, Письма Н.И. Ульянова – С.П. Мельгунову, 13.02.1950, л. 1]. Статья должна была иметь подзаголовок «Запоздалые заметки» [LSE, Письма Н.И. Ульянова – С.П. Мельгунову, 1.12.1951, л. 1], но С.П. Мельгунов его снял, считая тему по-прежнему актуальной.

Для самого Н.И. Ульянова «Казакиада» была продолжением дискуссии с авторами меньшевистского «Социалистического вестника» о национальном вопросе. Российские социал-демократы в эмиграции в русле пожеланий американских кураторов проводили политику самоопределения всех народов России вплоть до отделения. Так, в главной сепаратистской газете «Казачье единство» была представлена их позиция касательно «заплесневелых черносотенных шовинистов».

Планы казакцев сводились к планомерному выселению (под угрозой истребления) всех русских из казачьих земель: бывших Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Оренбургского войск. Причем речь идет не только о сельской

местности, но и даже о крупных городах (Краснодар, Новороссийск, Сочи, Туапсе, Ейск, Таганрог, Астрахань, Оренбург и др.). Это должны были быть миллионы жителей! Можно также дополнить рассуждения Н.И. Ульянова: а как собирались определять казаков от многочисленных и традиционных смешанных браков с русскими? Что делать с «полукровками» и квартиронами? Впрочем, идеологи казакства не утруждают себя моральными сомнениями, ибо они считают, что «кровопийственному русскому народу – все это по заслугам» [Шварц-Омонский, 1950, с. 28].

Кроме русской проблемы, в казакской идеологии существует и вопрос о других народах на территории Казакии. Н.И. Ульянова, как, впрочем, и многих других общественно-политических деятелей, очень интересовала судьба калмыков, астраханских татар, башкир и северо-кавказских народов. Давали ли когда-либо эти нации или хотя бы их лидеры согласие жить в независимой Казакии? Находиться в единой стране с русскими, в России, как федеративном или унитарном государстве, они было согласны, а вот их отношение к малопонятному и псевдонациональному новообразованию было однозначно отрицательным. Справедливо замечал Н.И. Ульянов: «Жалуюсь на русских как на завоевателей своего края и горя желанием изгнать их, казачьи самостийники ни единым словом не упоминают об этих народах, имеющих все основания питать к ним самим такие же чувства» [Шварц-Омонский, 1950, с. 29].

Не забывает в «Казакиаде» историк и о своей любимой идее создания сепаратистами собственной евразийской империи. Анализируя материалы «Казачьего единства», Н.И. Ульянов недоумевает, рассуждая о причине игнорирования сибирского казачества: «По необъяснимой скромности газеты сюда не попали почему-то земли Енисейских, Забайкальских и Уссурийских казаков, благодаря чему упущен случай простереть казачью державу до Тихого океана» [Шварц-Омонский, 1950, с. 28]. Зато в других периодических изданиях казакцев такие планы были найдены: «То же наблюдаем в бредовых проектах “Казакии” и “Незалежной Украины”, намеренной простираться от Карпат до Каспия, до Волги, до Урала и за Урал» [Шварц-Омонский, 1951, с. 17].

Одним из самых интересных моментов в казакской идеологии являются взаимоотношения с украинскими самостийниками. Если украинский сепаратизм XX в. – это трагедия России, то казачья самостийность – шутовское действо. Для казакцев украинские «свидомые» – живой идеал. Н.И. Ульянов точно описывал их нравы: «Это сплошное лобызание и сплошные приветственные речи» [LSE, Казакиада, 1949, л. 3]. «Нет того номера “Казачьего Единства”, в котором бы не писалось чего-нибудь теплого и задушевного о “братьях украинцах»» [Шварц-Омонский, 1950, с. 29]. При этом есть только одно обстоятельство, которое полностью перечеркивает данную благословенную Аркадию – это общая граница. Восточные пределы Украины должны, по мнению украинских мыслителей, занимать Донской, Кубанский и Ставропольский края и упираться в горы Северного Кавказа. Историк совершенно справедливо иронизирует: «Поэтому, когда государственные мужи “Казакии” утверждают, что на Западе она будет граничить с Украиной, читателю ничего не понять и “аршином общим не измерить”. В то время, как “толковая идеалистически

подкованная интеллигенция” козачества считает Таманский полуостров своей родиной и существующее тут в X в. Тмутораканское княжество – своим козачьим древним государством, другая, не менее толковая и не менее идеалистически подкованная, украинская интеллигенция, давным-давно и на весь мир объявила Тму-таракань – “великой украинской колонией”. Похоже, что казачеству только издали придется наслаждаться блеском Азовского и Черного морей и чисто академически выводить баланс украинской торговли через Новороссийский, Ейский и Таган-рогский порты» [LSE, Казакиада, 1949, л. 3]. Н.И. Ульянов также замечает: «Глядя со стороны на эту идиллию, даже не верится, что “братья украинцы” проектируют свое будущее государство в таких границах, которые совершенно исключают существование “Кзакии”» [Шварц-Омонский, 1950, с. 29]. В другой своей неопубликованной работе историк рассуждает, как в Восточной Европе в межвоенное время новообразованные страны решали территориальные проблемы. «Польша отняла у литовцев их столицу Вильно, то что произойдет между Украиной и Кзакией, претендующими на одни и те же земли?» [YUL, GEN MSS 334, box 19, folder 525, л. 11]. Только новая кровавая пограничная война за спорные регионы – можно прокомментировать мнение Н.И. Ульянова.

Особенный интерес в идеологии казакйских самостийников – это расовое происхождение: «Люди, поспешившие торжественно отречься от своей русской национальности, до сих пор, оказывается, не знают, кто они такие, и ищут своих предков по всему юго-востоку Европы» [Шварц-Омонский, 1950, с. 29]. Идеолог раннего периода казачьего сепаратизма Исаак Федорович Быкадоров (1882–1957) в своем околонульном труде «История казачества» (Прага, 1930) сделал «гениальное открытие»: оказывается, казаки имеют тюркское происхождение – перечислив в качестве доказательства все реальные заимствования у кочевников. От другого народа – черкесов произошло и московское название казаков – черкасы, а от летописного племени «касогов они и имя свое унаследовали» [Шварц-Омонский, 1950, с. 30]. Во всяком случае христиане Северного Кавказа бежали от мусульман-единоплеменников к единоверцам. Но И.Ф. Быкадоров упрямо выбирает именно тюркские племена, причем в приоритете у него печенегы, торки и половцы. Кзакийцев не интересует, что первые упоминания о казаках появляются только в XV в., через несколько веков после касогов. Все исторические источники прямо указывают на волны беженцев из Центральной России, спасающихся от крепостной неволи. Русский язык и православная вера с того же времени объединяют казачество. Но все эти факты не укладываются в казакйские концепции.

«Казалось бы, таким образом, все признаки расового обособления казачества от неприятной русской народности найдены и созданы теоретические предпосылки для расцветающего “буйным цветом самостийничества”» [LSE, Казакиада, 1949, л. 4] – пишет Н.И. Ульянов, но тут происходит стремительная перестройка казакйской мысли. Третий Рейх напал на Советскую Россию. «И это обстоятельство, по каким-то еще неизученным законам мышления, зародило сомнение в пытлилом мозгу самостийнических исследователей в истинности прежнего их учения в тюркском происхождении казачества» [LSE, Казакиада, 1949, л. 4].

«Расовые научные исследования», проведенные в казачье-самостийнической прессе, а затем в немецких газетах и журналах, под эгидой Берлина, позволили утверждать, что казаки — это настоящие арии и происходят от восточных остготов, которых русские заставили перейти на свой язык. По мнению инженера В.Г. Глазкова, наконец встретились два разделенных веками «братских» народа. Особенно арийские корни казачества стали актуальными к концу Сталинградской битвы из-за больших людских потерь Вермахта. «А когда фюрер поставил во главе организованной немцами казачьей дивизии генерала фон Паннвица, это явилось истинным национальным торжеством казачества, обретшего после многих веков разлуки своего родного единокровного батьку-атамана» [Шварц-Омонский, 1950, с. 30].

Всем хорошо известно, что эпопея Гельмута фон Паннвица кончилась для него и для его сторонников (ростовских и екатеринодарских «готов») очень печально. Неудивительно, что сепаратистская мысль снова пустилась в псевдоисторические поиски: «Со времен крушения Третьего Рейха она снова обуреваема научными сомнениями. Такова уж трагедия человеческого знания, что сколько бы мы ни приближались к истине, познать ее до конца не дано. Не успели высохнуть перья, писавшие трактаты о германской природе казачества, как выяснилось, что это ошибка. И снова поиски, и снова благородные напряжение мысли. Казачья интеллигенция, однако, не даром названа “толковой”» [LSE, Казакиада, 1949, л. 4]. После окончания Второй мировой войны парижский журнал «Казачье Единство» в статье на французском языке снова напечатал сенсацию. «Мир изменился и долго не мог прийти в себя — предками оказались ... славяне» [LSE, Казакиада, 1949, л. 4]. Н.И. Ульянов радостно сообщает: «Казаки, оказывается, наряду с русскими, поляками, белорусами и малорусами, составляли пятый славянский народ, входивший в Российскую Империю» [Шварц-Омонский, 1950, с. 30]. «Сколь ни лестно интерпретировать факт появления нового славянского народа — пишет историк Н.И. Ульянов, — но предаваться радости по этому поводу боимся; червь сомнения подсказывает, что и в данном случае совершена очередная ошибка. Не сомневаемся, что газета, издающаяся на берегах Сены, в скором времени осознает эту ошибку и встанет на более верный путь поисков в казачьей древности следов ее кельтского и галло-римского происхождения» [Шварц-Омонский, 1950, с. 30; LSE, Казакиада, 1949, л. 5].

Н.И. Ульянов справедливо писал еще в 1950 г.: «Как известно, 99 % казачества вообще не стремится к собственному государственному существованию и решительно отстаивает идею общерусского единства» [Шварц-Омонский, 1950, с. 28]. В наши дни сторонников казачьей самостийности еще меньше среди людей, в чьих жилах течет хотя бы капля казачьей крови. Историк даже обиженно жаловался С.П. Мельгунову, что «Иван Михайлович (Херасков. — П.Б.) славно поработал над моей статьей, не посчитался даже со стилистикой, убрав и те строчки, что необходимы для связи отдельных мыслей друг с другом, благодаря чему в тексте получились форменные разрывы и провалы. Не говорю уже о полном искоренении политического тона статьи. *На казаков не сепаратистов* она произвела невыгодное впечатление, и я уже слышал нарекания за недостаточно ясное проведение

разницы между кучкой самостийников и массой сторонников единства. Мне это тем более досадно, что у меня эта разница была подчеркнута достаточно сильно [LSE, Письма Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову, 26.03.1950, л. 1]. В другом письме С.П. Мельгунову Н.И. Ульянов пояснял свою позицию: «Очень рад, что “Казакиада” Вам подошла, но Ваше намерение изменить конец привело меня в уныние. Видимо, в самостийническом вопросе нам так и суждено говорить на разных языках. Для меня казачий сепаратизм, рабски копирующий украинское самостийничество и ничем от него не отличающийся по крайности своих устремлений — враг, с которым никаких разговоров, сговоров и увещаний быть не может. С ним возможна только борьба, сегодня литературная, а завтра с оружием в руках. Вы же, видимо, не теряете надежды обратить этих негодяев на путь истинный, в чем-то убедить и найти какие-то точки соприкосновения и взаимного понимания. Воля Ваша, но я ничего, кроме глубокого вреда, в такой позиции не усматриваю. В этом, на мой взгляд, сказывается не только непонимание истинной природы казачьего сепаратизма, но прямая некорректность по отношению к той части казачества, которая идет вместе с нами за Единую Россию, которая представляет большинство и которая неприемлемо настроена к самостийникам. Если бы Вы с нею захотели разговаривать о федерации, об областничестве и т.п. — я бы слова не сказал. Это вполне уместно» [LSE, Письма Н.И. Ульянова — С.П. Мельгунову, 27.12.1949, л. 1].

Процитируем подлинное окончание статьи «Казакиада», к сожалению, сокращенное С.П. Мельгуновым и его заместителем И.М. Херасковым (1878–1963): «...ибо нет лучшего способа опозлить, развенчать и окарикатурить национальный вопрос в России, чем включением в него казачьего самостийничества. Прежде чем писать о его «буйном цвете», неплохо было бы поинтересоваться удельным весом этого движения среди самих казаков. Ведь подавляющее большинство козачества ни прежде, ни теперь сепаратистскими настроениями не было заражено и не отделяло себя от русского народа ни в этническом, ни в культурном государственном отношении. Жалкая горсть его, вставшая на путь обособления, — представляет собой кучку политических авантюристов, кондотьеров, для которых игра в “Казакию” и в свою очередь особую национальность — только удобная форма, чтобы продавать свою преступную саблю всякому, кто идет на Россию, независимо от того, идет ли он против большевиков или против русского народа. И не только самим продаваться, но продавать других, продавать тех несчастных обитателей казачих областей, которые, как это было в минувшую войну, попав из советского ада в новую обстановку и не умея ориентироваться в ней, становятся легкой добычей самостийников и оказываются в дивизии фон Панвица» [LSE, Казакиада, 1949, л. 5].

К сожалению, статья историка русской эмиграции, пламенного патриота России Н.И. Ульянова не теряет своей актуальности. 8 февраля 2024 г. состоящий из лиц, причастных к госизмене и террористической деятельности, т.н. Русский добровольческий корпус (внесен ФСБ в список террористических организаций, запрещенных на территории РФ) опубликовал заявление о новом «Вольно-Казачьем отряде» в своем составе, состоящем якобы из выходцев из Кубани и Дона и использующем сине-малиново-желтый «флаг Казакии».

В статье «Казакиада» Н.И. Ульянов анализирует казакийскую идеологию. Историк убедительно доказывает антигуманистическую и антиисторическую сущность самостийничества. Он указывает, что после провозглашения государства «Казакия» из нее планируется выселить всех казаков – русских и представителей других народов Юга России и Северного Кавказа. Обсуждаются также проекты построения новой евразийской империи – от Таганрога до Тихого океана. Многолетняя дружба с кумиром и примером для подражания – украинскими сепаратистами – закончится гражданской войной на взаимное истребление, ибо незалежная Украина претендует на почти всю территорию Казакии, а последняя – на юго-восток Украинской республики. Также в «Казакиаде» остроумно опровергаются псевдонаучные теории происхождения казаков от готов, тюрков, кавказцев и мифического славянского народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Багдасарян В.Э. Историография русского зарубежья: Николай Иванович Ульянов. М., 1997. 151 с.

Базанов П.Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

Базанов П.Н. Н.И. Ульянов – русский эмигрант, историк, публицист, писатель: биобиблиографический указатель. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2021. 130 с.

Закон о плененных нациях P.L. 86–90 // *Вечная Россия: Малая. Великая. Белая*: Сб. документов и статей разных авторов в связи с пропагандой расчленения России. Вып.1. N.Y.,1962. С. 4–5.

«Закон о порабощенных нациях» и расчленение России (Public Law 86–90) // *Вече*. 1991. № 44. С. 196–198.

Легит у моря страна Козакия // *Аргументы и факты*. 1992. № 18 (603). С. 1.

Лысенко Н.Н. Нация или субэтнос: Размышления этногенетической природе казачества // *Вопросы национализма*. 2012. № 3 (11). С. 111–134.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). Т. I. М.: Русская идея; СПб.: Русская лира, 2020. 544 с.

Шварц-Омонский Н. История и утопия // *Российский демократ*. 1951. № 1 (сб.20). С. 9–20.

Шварц-Омонский Н. Казакиада // *Российский демократ*. 1950. № 1 (сб. 19). С. 27–30.

Шварц-Омонский Н. Тезисы по национальному вопросу // *Воля*. 1952. № 9. С. 61–65.

The London School of Economics and Political Science Coll. No Melgunov (LSE). Фонд не обработан. Казакиада. 1949. Рукопись. Л. 1–5.

LSE. Фонд не обработан. Письма Н.И. Ульянова – С.П. Мельгунову. 1947–1955 гг.

Yale University Library. Manuscripts and Archives. Boris Filippov papers (YUL). GEN MSS 334. Box 19. F. 525: Национальный вопрос. Машинопись. Л. 1–21.

REFERENCES

- Bagdasaryan V.E. *Istoriografiya russkogo zarubezh'ya: Nikolay Ivanovich Ul'yanov* [Historiography of Russian diaspora: Nikolai Ivanovich Ulyanov] Moscow, 1997. 151 p. (in Russian).
- Bazanov P.N. «*Petropol'skiy Tatsit*» v izgnanii: *Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaya Ul'yanova* ["Tacitus of Petropolis" in exile: The life and work of the Russian historian Nikolai Ulyanov]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 511 p. (in Russian).
- Bazanov P.N. *N. I. Ul'yanov – russkiy emigrant, istorik, publitsist, pisatel': biobibliograficheskiy ukazatel'* [Ulyanov – Russian emigrant, historian, publicist, writer: biobibliographic index]. St. Petersburg: Kul'turno-prosvetitel'skoye tovarishchestvo, 2021. 130 p. (in Russian).
- Zakon o plenennykh natsiyakh P.L. 86–90 [Law on Captive Nations P.L. 86–90], in *Vechnaya Rossiya: Malaya. Velikaya. Belaya: Sb. dokumentov i statey raznykh avtorov v svyazi s propagandoy raschleneniya Rossii* [Eternal Russia: Small. Great. Belaya: Collection of documents and articles by various authors in connection with the propaganda of the dismemberment of Russia]. Vyp.1. N.Y.,1962. Pp. 4–5 (in Russian).
- «Zakon o poraboshchennykh natsiyakh» i raschleneniye Rossii Public Law 86–90 ["The Law on Captive Nations" and the dismemberment of Russia Public Law 86–90], in *Veche*. 1991. No. 44. Pp.196–198 (in Russian).
- Lezhit u morya strana Kozakiya [The country of Cossacks lies by the sea], in *Argumenty i fakty*. 1992. No. 18 (603). P. 1 (in Russian).
- Lysenko N.N. *Natsiya ili subetnos: Razmyshleniya etnogeneticheskoy prirode kazachestva* [Nation or subethnic group: Reflections on the ethnogenetic nature of the Cossacks], in *Voprosy natsionalizma*. 2012. No. 3 (11). Pp.111–134 (in Russian).
- Nazarov M.V. *Missiya russkoy emigratsii. (Na fone kataklizmov XX veka)* [Mission of the Russian emigration. (Against the background of the cataclysms of the twentieth century)]. Vol. I. Moscow: Russkaya Ideya; St. Petersburg: Russkaya Lira, 2020. 544 p. (in Russian).
- Shvarts-Omonskiy N. *Istoriya i utopiya* [History and utopia], in *Ros. demokrat*. 1951. No. 1 (sb.20). Pp. 9–20 (in Russian).
- Shvarts-Omonskiy N. *Kazakiada* [Kazakiada], in *Ros. demokrat*. 1950. No. 1 (sb. 19). Pp. 27–30 (in Russian).
- Shvarts-Omonskiy N. *Tezisy po natsional'nomu voprosu* [Theses on the national issue], in *Volya*. 1952. No. 9. Pp. 61–65 (in Russian).
- The London School of Economics and Political Science Coll. No Melgunov (LSE). The fund has not been processed. *Kazakiada*. 1949. Rukopis'. L.1–5.
- LSE. The fund has not been processed. *Pis'ma N.I. Ul'yanova – S.P. Mel'gunovu*. 1947–1955 gg.
- Yale University Library. Manuscripts and Archives. Boris Filippov papers (YUL). GEN MSS 334. Box 19. F. 525: *Natsional'nyy vopros*. Mashinopis'. L.1–21.

Статья принята к публикации 19.04.2024